

1 1 УК 1966

КОМСОМОЛЬСКОЕ ЗНАМЯ

г. Киев

НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ИМ. Н. ОСТРОВСКОГО

ПРИЗНАНИЕ ПРИЗВАНИЯ

По правде говоря, из всех молодых актеров, что пришли в коллектив в тот год из студии при Львовском театре им. Заньковецкой, на Володе Ячминского возлагали меньше всего надежд. Уж больно на вид неказист, да и молчун удивительный.

Читают новую пьесу. Все спорят, горячатся, а он спокойно так слушает, вроде бы все это его не касается.

Поначалу поручили Володе один эпизод. Милиционер в «Степях Украины». Неплохо вышло. В следующем спектакле — снова какой-то эпизод дали. Опять неплохо. Товарищи поздравляют: «Ты — эпизодический актер», а режиссер в предстоящей постановке снова для Ячминского эпизод подыскивает. В театре так бывает. Коль удалась тебе однажды реплика милиционера, то есть угроза не один сезон появляться на сцене с красными погонями.

Но в маленьких ролях, сделанных молодым актером любовно, с желанием, виделось что-то большее, чем просто удача. А когда во франковской «Ой, піду я в Бориславку» вышел, чуть прихрамывая, старик — это была уже серьезная заявка на зрелость и мастерство.

Как-то бочком, будто стараясь не зацепить никого, остаться незамеченным, появлялся он на сцене в нелепом своем сюжете, вызывая смешанное чувство уважения и жалости, и как-то даже неожиданно — маленький, сгорбленный — становился центром внимания.

Это было удивительно. Юноша, которому едва за

двадцать, так глубоко почувствовал и сумел донести до зрителя этот в общем-то сложный и интересный образ шестидесятилетнего старика, искалеченного жизнью, но сумевшего сохранить человеческое достоинство и доброе сердце.

Потом был Стась в «Обороне Буши» М. Старицкого, Лисецкий в «Марине», дед Тарас в «Степях Украины», Франек в «Сверчке», Федька в «Марусе Шураи», Замысловский в «Кайдани порвите».

От роли к роли рос Ячминский как актер. Но осталась в нем все та же, с первых дней удивившая всех молчаливость, сосредоточенный взгляд куда-то в глубь себя, удивительная скромность, граничащая с робостью. Вроде бы незаметно из несмелого новичка рождался серьезный актер. Незаметно для тех, кто приходил на спектакли. А там, за кулисами, хорошо знали удивительное Володино трудолюбие, упорство.

Умение владеть голосом, телом — этому ведь нужно учиться всю жизнь. Не хватает репетиционного времени, ничего, он останется еще на час, только на час в опустевшем зале. А потом, увлекшись, неожиданно видит перед собой рассерженного вахтера и ахает: «Три часа прошло! Вот Ленка ругаться будет». И... бегом домой. Но Ленка не ругается, она ведь сама актриса и лучше других знает своего Володю. Театр для него — все.

...Работа над спектаклем «Дай сердцу волю» была уже в разгаре, когда произошел

этот, как Володе показалось, случайный разговор.

— Как тебе нравится роль Ивана Непокрытого? — спросил его как-то главный режиссер.

— Очень нравится, — вдруг загорячился обычно сдержанный Володя. — Но...

— Прочти еще раз внимательно пьесу, подумай. Скажешь, как понимаешь этот образ и почему он тебе нравится. — перебил Ярослав Томович Геляс.

— Но ведь это очень ответственная роль, и я, наверно, не смогу сыграть...

— А я тебе ее и не даю, только спрашиваю...

Тогда больше ничего не было сказано, но Володя уже знал, что предстоит интересная и большая работа, а все, что он сыграл до сих пор, было только подготовкой к ней.

Конечно, он пропадал на репетициях, следя, как создавал этот образ заслуженный артист УССР Семен Иванович Онишко. Учился у опытного мастера сцены, но больше всего боялся повторения, копирования, и потому, лепя своего Ивана, абстрагировался от всего виденного, искал. Раньше он не понимал, как можно работать над образом годы, десятилетия и даже всю жизнь. В те же дни, открывая на репетициях все новые и новые черты своего героя, удивился необъятности и глубине возможностей сценического воплощения.

Конечно, одному было бы нелегко, но в своих исканиях Володя встретил поддержку всего коллектива, а главное, рядом был Ярослав Томович. Не было тогда в их совме-

стной работе ни отпуска, ни выходных. Ведь главная трудность в том, чтобы устами Ивана Непокрытого, которыми уже говорили сотни прекрасных мастеров сцены, начиная от самого Марка Кропивницкого, сказать что-то свежее, оригинальное, свое.

Работа над образом Ивана требовала, кроме богатых актерских данных (танцы, пение), еще и максимального мастерства перевоплощения как в комическом, так и в драматическом планах. Как писалось потом в многочисленных рецензиях, актеру это удалось.

Словно родник, что долго набирал под землей силы, а потом вдруг прорвался к людям, к траве зеленой, так с первой реплики происходит метаморфоза, и «тихоня» Ячминский щедро рассыпает шутки, частит поговорками и прибаутками.

И так эпизод за эпизодом. И уже не актера видишь перед собой, а просто озорного хлопца, что вобрал народную мудрость вместе с горем и радостью. Нигде не опускается артист до пустого, бесцельного балагурства. В его юморе вместе с блестящими смехом соленые кристаллики сиротской горькой доли, а в трудную минуту прощания с другом перед рекрутчиной он скрывает слезы за шуткой.

Иван у Володи трогательно великодушный, простой, но одновременно и человек, сумевший в своем понимании жизни и взаимоотношений подняться выше обывательского счастья.

Да, большой успех выпал на долю молодого актера. И

когда в прошлом году на республиканском смотре творческой молодежи жюри признало одним из лучших классических спектаклей «Дай сердцу волю» в исполнении Тернопольского музыкально-драматического театра им. Т. Шевченко, Володя Ячминский радовался по праву.

Но по-настоящему счастливым почувствовал он себя нынешним летом, когда театр совершал гастрольную поездку по Сибири. Этот край хлеборобов, золотоискателей, металлургов и рыбаков встретил радушно, как желанных гостей. Были цветы, искренние слова благодарности за игру, незабываемые встречи. Особенно одна...

Когда раскололась аплодисментами тишина, за кулисы пришла немолодая женщина. Она нежно, по-матерински расцеловала Володю, преподнесла букет («бери, бери, актерам полагается!») и вытащила из сумочки крупным почерком надписанную фотографию: «На долгую память талантливому из талантливых Владимиру Ячминскому, создавшему незабываемый образ Ивана Непокрытого. Внучка М. Л. Кропивницкого Татьяна Микадзе, г. Новосибирск».

* * *

Хвалят у нас молодых с опаской — как бы не зазнался. По-моему, Володе Ячминскому это не грозит. Первые успехи окрылили его, заставили поверить в свои силы. Он полон творческих планов, напряженно трудится сейчас над новыми ролями. Мечтает? Конечно. «Вот Хлестакова сыграть в «Ревизоре» — да».

Н. РУССОВА.

Сотрудница газеты «Вільне життя».

г. Тернополь.